

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

ЖРЕЦЫ И ЖЕРТВЫ ХОЛОКОСТА

XII. “Ваши пророки – наши пророки”...

Милости я хочу, а не жертвы.
Пророк Осия

Многие годы в еврейском мемориальном комплексе Яд Ва-шем в Иерусалиме увековечиваются на особой стеле имена праведников народов мира. Это список людей разных национальностей, которые так или иначе спасали евреев от преследований нацистов, от депортации в лагеря, от местных коллаборационистов.

В списке тысячи имён – представителей чуть ли не всех европейских народов, на землях которых происходила катастрофа, именуемая Холокостом.

Конечно, эта благородная акция имеет свой националистический оттенок, поскольку для Яд Ва-шема интерес представляют европейцы, спасавшие только евреев. Поэтому в определении того, кто может являться праведником мира, а кто нет, есть немало странного и даже курьёзного.

Болгарский царь Борис, союзник фашистского рейха, к примеру, объявлен праведником мира, поскольку до 1943 г. он сопротивлялся выдаче немцам более 50 тысяч болгарских евреев. Правда, в 1943 году болгарское правительство всё-таки приказало 20 тысячам софийских евреев покинуть столицу. Но если бы дело ограничилось только этим!

За присоединение к странам фашистской оси Болгария получила “в дар” от Германии оккупированные немцами территории, ранее принадлежавшие Югославии и Греции, на которых жили 14 тысяч евреев. Поскольку они не имели болгарского подданства, царь Борис с облегчением сдал их немцам, которые направили несчастных в Трешлинку... Впрочем, не таким уж юдофилом был царь Борис, каким его изображают многие книги по истории Холокоста.

Выдержки из энциклопедии “Холокост”, из статьи “Болгария”:

“Одним из первых антиеврейских актов правительства Болгарии в сентябре 1939 г. стало поспешное изгнание из страны 4 тыс. евреев, приехавших из других государств”.

“Проникновение расовой теории и нацистской идеологии создало в Болгарии благоприятную почву для принятия антиеврейских законов <...> “Антиеврейские законы были утверждены парламентом по инициативе Кабинета

министров и царя Бориса ещё до того, как Болгария 1.3.1941 г. вошла в число стран “Оси”.

“Евреи, их дома и предприятия – всё должно было быть помечено звездой Давида, что делало их беззащитной мишенью”.

“Евреям было запрещено поступать на службу как в частные компании, так и в общественные, муниципальные, правительственные учреждения. Все еврейские школы, театры, кинотеатры, издательства, рестораны и отели были закрыты”.

“Смешанные браки были объявлены вне закона”.

“Евреи-мужчины от 20 до 40 лет, освобождённые от воинской службы, были отправлены в трудовые лагеря”.

“Евреям было отказано в праве заниматься многими профессиями”.

“Евреев стали называть врагами государства”... и т. д. (стр. 89–90). Вот такой он был “праведник”, чьё имя навечно запечатлено в иерусалимском мемориале.

Да, плохи дела у жрецов Холокоста, если они присваивают звания “Праведник мира” таким слугам гитлеровской Германии, как болгарский царь Борис и глава украинской униатской церкви Андрей Шептицкий.

Недавно, как сообщает бюллетень “Холокост” (№ 3, 2007), “еврейская община Украины признала Митрополита Шептицкого “праведником мира”; “мы хотим отдать должное человеку, спасшему сотни евреев”, – сказал раввин Украины Мойше Аеман.

Сколько сотен евреев и каким образом спас Андрей Шептицкий – неизвестно, но, как утверждает польский журналист Богдан Цивинский в статье “О Митрополите Львовском Андрее Шептицком” (“Новая Польша”, № 6, 2006 г.), греко-католический пастырь Львовщины действительно “в феврале 1942 г. написал письмо Генриху Гиммлеру, протестуя против уничтожения евреев”. Однако в июле 1941 года он “в пастырском послании приветствовал немцев, как освободителей, а 6 июля после провозглашения бандеровцами независимого украинского государства принял почётный пост председателя Украинского национального Совета”.

Вспомним, что бандеровцы были носителями самого кровавого антисемитизма, а хлопцы Романа Шухевича не раз устраивали на Львовщине самые страшные погромы. Так что не в Берлин надо было писать письма Андрею Шептицкому, а своих чад во Христе воспитывать... А сколько при нём и с его благословения было уничтожено на Западной Украине советских людей разных национальностей в то время, когда он занимал пост председателя Украинского национального совета, – один Господь знает... Но за евреев однажды заступился и потому заслуживает, видимо, звания “праведник мира”, а то, как Шептицкий относился к сыновьям и дочерям других народов, к гоям, жрецов Холокоста не интересует.

“Почти за 500 лет до Рождества Христова, – пишет англо-американский историк и публицист Дуглас Рид в книге “Спор о Сионе”, – маленькое палестинское племя иудеев провозгласило расовую доктрину, влияние которой на последующие судьбы человечества оказались губительнее взрывчатых средств и эпидемий... Она была творением иудейских левитов”.

Но высшее предназначение израильского племени, может быть, состоит в том, что во все времена, от вавилонских до сегодняшних, из его среды выходили одиночки, восстававшие против Касты, державшей в оковах расовой доктрины еврейское простонародье.

В эпоху создания Пятикнижия и Моисеева закона с бесчеловечной властью левитов боролся пророк Амос, осуждавший кровавые ритуальные жертвоприношения: “Ненавижу, отвергаю праздники ваши и не обоняю жертв во время торжественных собраний ваших. Если вознесёте мне всесожжение и хлебное приношение, я не приму их”. А другой пророк, Осия, заклинал своих современников: “Ибо я милости хочу, а не жертвы, и Боговедения более, нежели всесожжения”... Пророк Иеремия, изгнанный в Египет, как и все остальные пророки, осуждал сатанинские кровавые ритуалы левитов: “И устроили высоты... чтобы сжигать сыновей своих и дочерей в огне, чего я не повелел и что мне на сердце не приходило”.

Вспомним о том, что слово “Холокост” переводится как “всесожжение”, и эта этимология образует роковую связь между жрецами эпохи вавилонского пленения и сегодняшними идеологами Холокоста.

Когда левиты заканчивали работу над главами Моисеева закона, утверждающими апологию избранничества и владычества евреев над другими народами, то пророк Иеремия призывал своих соплеменников жить в мире с племенами в землях и странах, куда их забросила судьба.

После вавилонского пленения и падения Иудеи Иеремия проповедовал: *“Так говорит Господь Саваоф... всем пленникам, которых я переселил из Иерусалима в Вавилон... И заботьтесь о благосостоянии города, в который я поселил Вас, и молитесь за него Господа, ибо при благосостоянии его и вам будет мир”*.

Чуть ли не с теми же словами обращался к еврейскому племени пророк Исайя Второй, живший в Вавилоне:

“Сыновей иноплеменников, присоединившихся к Господу... даже их я приведу на святую гору Мою и обрадую их в Моём доме молитвы... ибо дом Мой назовётся домом молитвы для всех народов” (стр. 33). И всё же до рождения и подвига Христа жрецам удавалось держать народ в путах расовой теории. Впрочем, и сегодня они озабочены человеческими слабостями своей паствы. Как пишет историк, живущий в Израиле, *“раввины запрещают молодёжи и непросвещённым верующим читать пророков вообще, и Исаия же особенно находится у ортодоксов в опале”* (С. Баландин. “Основы научного антисемитизма”. Алгоритм, 2008, стр. 153).

Сопоставляя мифические и сегодняшние времена, Дуглас Рид находит в них немало общего:

“Иеремию, явно убитого по приказу левитов, сегодня клеймили бы, как помешанного или болтуна, сумасброда или антисемита; в его время обычным обвинением было: “пророк и сновидец”.

Вспоминаю, как я, двадцать лет тому назад прочитавший в какой-то прессе репортаж о посещении Патриархом Алексием Вторым Америки, был озадачен и недоумевал по поводу его слов, произнесённых во время встречи с американскими раввинами: **“Ваши пророки – наши пророки!”** – сказал Патриарх. Я тогда не понимал глубокого смысла его слов, содержащих ту истину, что все израильские пророки есть предтечи Иисуса Христа, подготавлившие мир и души человеческие к его явлению. Не левитов, не талмудистов, не раввинов вспомнил патриарх, а – пророков. Недаром же Осип Мандельштам, принявший христианство, гордился тем, что происходит из народа “пророков”, и одновременно признавался, что бежит от “хаоса иудейского”, то есть от мрачного, душного, плотского материального мира левитов и раввинов. Почему плотского и материального? – потому что в отличие от пророческого мира – душевного, доброго, милосердного, небесного, мир иудейский во всех его ипостасях – левитский, фарисейский, талмудический, начиная от Второзакония и кончая Шулхан Арухом – жаждет захватывать, поработать, властвовать, убивать, пленять, обогащаться, радоваться добыче, враждовать с чужими идолами и богами, обонять ноздрями запахи горелой плоти с жертвенников, заключать союз с Богом посредством кровопускания... За этот “кровный союз” их Ягве помогает им и на протяжении всей двадцатипятилетней истории обольщает своих подданных, что они будут *“жить в жилищах, которые не строили”, “собрать плоды в садах, которые не сажали”* и ждать Машиаха, который обещал им безраздельную власть над миром.

Время для жрецов Холокоста движется вспять, потому что иные из них настолько уверовали в мощь Ягве, что пытаются возвратить в жизнь ритуалы, казалось бы, навсегда забытые человечеством. Трудно в это поверить, но в Израиле появилось объединение раввинов (“Реорганизованный синедрион”), которые готовятся к возрождению на Храмовой горе кровавых жертвоприношений, запрещённых в 70 г. н. э. со времени разрушения Второго Храма.

“Несколько лет назад члены религиозных движений принесли символическую жертву на холме в Гиват Хананье, с которого видна Храмовая гора. Участники ритуала зарезали козла <...> и сожгли его на специально возведённом двухметровом жертвеннике, построенном по правилам еврейского закона Га-лахи” (“Еврейская газета” от 14.12.2008 г.)

После великой новозаветной мистерии с Голгофой и Воскресением подобное, казалось бы, уже невозможно! Продолжая традицию пророков, в Средние века из “иудейского хаоса” постоянно рождались протестанты, диссиденты, еретики. В XII веке в испанской Кордове появился Моисей Маймонид, восставший против расизма талмудистов. Они донесли на него инквизи-

ции, отлучили от общины, инквизиция согласно доносу сожгла его антиталмудические книги.

В XVII веке точно так же был изгнан из общины и предан анафеме человек свободной мысли, талантливый философ и учёный Барух Спиноза. В одно и то же время с ним отвергнул бесчеловечные законы талмуда другой протестант, Ариель д'Акоста, утверждавший, что талмудические истины – отнюдь не божественного происхождения, что это дело рук самих талмудистов. Его отлучили от веры, затравили, и он вынужден был покончить с собою.

В XIX веке в эпоху европейской эмансипации немецкий еврей Моисей Мендельсон “впал в ересь” и стал проповедовать, что евреи должны слиться со всем человечеством, что нужно вернуться к пророкам. Его перевод Библии на немецкий язык был публично сожжён раввинами в Берлине.

В русском XIX веке два славных имени, монах Неофит и Яков Брафман с его ставшей знаменитой, но потом почти полностью уничтоженной книгой “Тайны Кагала”, внесли свой вклад в освобождение евреев от жреческой диктатуры.

Да и Карл Маркс во всех еврейских энциклопедиях считается антисемитом за его “еретическую” мысль о том, что *“деньги являются ревнивым Богом Израиля”*.

Когда же всё расистское наследие двух с половиной тысячелетий сосредоточилось в XX веке в руках сионистской верхушки, то вызов ей бросили еврейские религиозные и политические идеалисты нового времени: немецкая еврейка Ханна Арендт, русско-израильский еврей Борис Бернштейн, французский еврей Роже Гароди, американские евреи Альберт Эйнштейн, Альфред Лилиенталь и Норман Финкельштейн, русские евреи философ Семён Франк и Александр Мень, публицист Исраэль Шамир, украинский еврей Эдуард Ходос и другие именитые и даже безвестные люди. Эдуард Ходос очень просто и убедительно выразил сущность своего мужественного стояния за истину:

“Лично мне моя национальность ничуть не мешает говорить о еврейском фашизме. Напротив, учитывая коварство и фарисейское лицемерие врага, я считаю себя обязанным открывать людям глаза на то, что они не способны разглядеть сами”.

А с каким печальным достоинством излагает своё понимание еврейства сын узников Освенцима Норман Финкельштейн:

“Я не люблю ни филосемитов, ни антисемитов. Я хотел бы, чтобы люди обращались со мной, как с обычным человеком”...

После таких слов всякое понятие об “избранном народе” испаряется, “яко дым”. Какую веру исповедуют эти отступники? Не рискую ответить. Думаю, что кто-то из них православный, кто-то мусульманин, кто-то агностик, кто-то буддист, кто-то протестант, кто-то католик. По-моему, никто из них не является адептом ортодоксального иудаизма. И это не случайно.

В мемориале Яд Ва-шем запечатлены имена людей, которые спасали евреев от физической смерти, и за это им, спасателям, присвоено звание “праведник мира”.

Все, кого я вспомнил в этой главе, начиная от ветхозаветных пророков и до Ханны Арендт с Норманом Финкельштейном, в эпоху воинственного насаждения религии Холокоста спасают честь, совесть и душу еврейства. Так, может быть, они тоже праведники?..

XIII. С больной головы на здоровую

Даже Боги не могут бывшее сделать не бывшим.

Древнегреческая поговорка

Осенью 1938 года в маленьком французском городке Эвиан собрались представители тридцати стран Европы и Северной Америки, чтобы найти возможность спасения евреев, убегающих из фашистской Германии и оккупированных ею стран. Никаких представителей арабских или африканских стран на конференции не было. Судьба евреев была в руках Европы. И что же произошло? Ни один из представителей так называемого “цивилизованного ми-

ра” не дал согласия на приём беженцев в свою страну. Именно потому Америка через год не приняла приплывший из Голландии корабль “Сен-Луис”, на котором было 900 евреев. Им пришлось возвращаться на свою погибель в Европу. Так что Европа и только Европа полностью виновата в еврейской катастрофе и должна была после войны заплатить европейским евреям за свои грехи. Недаром в 1944 году, в первую годовщину подавления еврейского бунта в Варшавском гетто, поэт Юлиан Тувим проклял в своей статье “Мы польские евреи”, опубликованной в Лондоне, не только гитлеровских расистов, но в первую очередь антисемитов всей коричневой Европы.

“Над Европой возвышается огромный и всё растущий скелет. В его пустых глазницах горит огонь страшного гнева, а пальцы стиснуты в костлявый кулак. И он, наш Вождь и диктатор, будет определять наши права и требования... Моя ненависть к польским фашистам глубже, чем к фашистам других национальностей”.

Но заплатить за грехи Европы мир заставил палестинских арабов – крестьян-феллахов, бедуинов, ни сном и духом ничего не знавших ни о Холокосте, ни об Освенциме. Сионисты вытеснили их убийствами, резнёй, террором, несколькими войнами с родных мест, где они жили с незапамятных времён.

Вот почему через 37 лет – в 1975 году, на тридцатой сессии Генеральной Ассамблеи ООН подавляющим большинством голосов была принята знаменитая резолюция о сионизме как о форме расизма. Чтобы понять, почему произошло это историческое решение, приведу несколько отрывков из выступлений участников конференции, отражающих накал политической борьбы среди её делегатов.

Из выступления г-на Шарафа, Иордания:

“Еврейская проблема прежде всего возникла в Европе... Именно в Европе преследование евреев достигло невиданных размеров и привело к нацистским жестокостям. Положение никогда не было таковым в восточных странах. Сложные чувства западных стран по отношению к евреям можно понять. Они продиктованы сочетанием вины и сострадания и желанием загладить ту ужасную несправедливость, которую западная цивилизация проявила по отношению к евреям. Как же тогда понимать их бесчувственность и их терпимость по отношению к тому, что мирное арабское население Ближнего Востока систематически и в организованном порядке подвергается насилию?”

Из выступления г-на Баруди, Саудовская Аравия:

“Раздел Палестины в 1947 году был навязан миру. Палестинскому населению ничего не оставалось, как искать убежища в соседних странах.

По какому праву Соединённое Королевство могло передать в другие руки страну, которая ему не принадлежала? Европейским евреям не следует насаждать нетерпимость на Ближнем Востоке лишь потому, что они были жертвами нетерпимости со стороны европейцев”.

Из выступления г-на Аллафа, Сирия:

“Евреи претендуют на то, чтобы их считали избранным народом, имеющим право на землю, которая уже заселена. Совсем недавно, то есть в 1948 году, арабы составляли подавляющее большинство жителей Палестины. План разделения 1947 года, в соответствии с которым был создан Израиль, был принят в результате голосования, в котором принимали участие 56 делегаций. Из 33 делегаций, голосовавших за этот план, две были из Африки, одна – из Азии и несколько – из Латинской Америки. Остальные были из Европы и из Северной Америки. Очевидно, что государство Израиль было создано Организацией Объединённых Наций, которая полностью отличалась от Организации Объединённых Наций, существующей в настоящее время, что Генеральная Ассамблея в действительности не представляла воли народов мира. Со времени своего создания менее чем за один год Израиль оккупировал территорию, в три раза превышающую ту, которая была выделена ему по плану раздела”.

Из выступления г-на Захави, Ирак:

“Еврейский философ Мартин Бубер дошёл до того, что приравнял сионизм государства Израиль к священному эгоизму, подобному тому, который проповедовали Гитлер и Муссолини”, а далее представитель Ирака вспомнил Черчилля, “который в 1944 г., сразу же после убийства в Каире лорда Мойна, сказал в палате общин, что, если усилия сионизма будут выражаться в варварских актах гангстеров, достойных того, чтобы их называли нацистами, то

многие и он сам пересмотрят позицию, занятую по отношению к сионизму много лет назад”.

Уместно вспомнить, за что убили лорда Мойна. Он, занимавший должность статс-секретаря в Египте, заявил 9 июня 1942 года в палате лордов, что европейские евреи не являются потомками древних евреев и потому не могут претендовать на законное владение палестинскими землями. Через два года он был убит в Каире еврейскими террористами, которыми руководил будущий премьер-министр Израиля Ицхак Шамир.

Историк П. Полян в книге “Отрицание отрицания” лукавит, утверждая, что крайне опасна **новая (!) точка зрения** на Холокост антисемита Ахмадинежада, который во всех выступлениях твердит: “какое право имеют евреи на Палестину, ежели Холокост, даже если он имел место, происходил в Европе?”

Как мы видим, задолго до Ахмадинежада об этом знали и говорили все политические деятели арабского Востока.

За резолюцию, гласящую, что **“сионизм – это форма расизма”**, в 1975 г. проголосовали 70 стран, против были голоса 29 делегатов и 27 воздержались.

Помнится мне, что многие западные СМИ в последующие 15 лет считали такой результат сговором арабского лобби или закулисными интригами советского блока. Но это не так. Против резолюции, то есть в пользу Израиля, проголосовала “грешная” Европа, участвовавшая в Холокосте и потому пытавшаяся за чужой счёт, но всё-таки хоть как-то искупить вину перед евреями: ФРГ, Финляндия, Франция, Италия, Голландия, Норвегия, Австрия, Бельгия, Швеция...

За резолюцию, кроме арабских стран и стран Советского блока, проголосовали Индия, Китай, Иран, Португалия, Турция, Бразилия... Нынешний премьер-министр Израиля Беньямин Нетаньяху вопреки всем аргументам и фактам в своей книге “Место под солнцем” в отчаянье от поражения сионистов сокрушался: “Ничего подобного не смогли достичь даже такие виртуозы антисемитской пропаганды, как Торквемада и Йозеф Геббельс. То, что не удалось совершить в самые тёмные времена Инквизиции и Катастрофы, свершилось теперь на сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Никогда прежде антисемитизм не получал столь широкого международного признания и одобрения. Организация, призванная представлять добрую волю всего человечества, согласилась стать рупором примитивной юдофобской пропаганды” (“Основы научного антисемитизма”, стр. 367).

Это было сокрушительное поражение сионистов. Но через 17 лет – в 1991 году, сразу же после разрушения Советского Союза и Варшавского пакта, объединявшего страны Восточной Европы, западные “эвианские” делегации на очередной сессии ООН дезавуировали резолюцию 1975 года о сионизме как форме расизма, что было совершенно естественным и неизбежным событием. Роже Гароди так отозвался об этом сионистском реванше:

“После распада СССР США произвели нажим на ООН и добились 16 декабря 1991 года отмены справедливой резолюции 1975 года, смыв таким образом ещё раз кровь, которой с ног до головы покрыты Израиль и его руководство. Но в действительности с 1975 года ничего не изменилось, более того, репрессии, медленный геноцид палестинского народа, колонизация достигли беспрецедентного размаха”.

Однако никакое ООНовское мошенничество, осуществлённое в исторической суматохе 1991 года, не могло надолго замаскировать расистскую сущность Израиля. У человечества ещё хватает ума и совести, чтобы понимать, кто прав и кто виноват в палестино-израильской распре.

Ровно через 10 лет после сионистского реванша 1991 года борьба за историческую справедливость вспыхнула с новой силой: мировое сообщество, собравшееся в 2001 году в Дурбане, чтобы осудить расизм, расовую дискриминацию и ксенофобию, утвердило такую резолюцию:

“Всемирная конференция с глубокой озабоченностью признаёт расширение масштабов расистской практики сионизма и антисемитизма в различных частях мира, а также зарождение расистских и проповедующих насилие движений, руководствующихся идеями расизма и дискриминации, в частности, сионистского движения, основанного на принципе расового превосходства”...

Несмотря на вереранс конференции, осудившей и антисемитизм, еврейская делегация хлопнула дверью и покинула конференцию.

Но вспышки антисиионистского пламени, несмотря на все попытки подавить их культом Холокоста, то и дело пробиваются на поверхность земной истории.

То папа Римский возжелает вернуть в лоно Ватикана епископов, отлучённых в своё время от церкви за сомнения в масштабах Холокоста, то на апрельской конференции по расизму швейцарцы пригласят в Женеву Ахмадинежада, да ещё их президент его примет... Как такое стерпеть? Восемь демократических стран во главе с Израилем объявляют бойкот конференции, ещё сорок после слов Ахмадинежада о том, что **“израильских преступников нужно предать суду за геноцид в Газе”**, покинули зал заседаний, но сто сорок пять делегаций всё-таки остались. А министр иностранных дел Франции Бернар Кушнир с ироническим удивлением заметил: *“Это парадоксально, они не хотят слушать Иран в Женеве, но при этом намерены вести с ним переговоры”*.

Некто из еврейской делегации выкрикнул из зала: “Расист! Расист!” и бросил в иранского президента красный клоунский нос, однако даже в самой Америке демократка Барбара Ли, возглавляющая объединение чернокожих членов конгресса, заявила, что члены этой группы “глубоко поражены” решением американской делегации бойкотировать конференцию, так что семена знаменитой 30-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, осудившей сионизм как форму расизма, не высохли, не вымерзли, не потеряли своей всхожести. **“Даже Боги, – как говаривал один из главных создателей государства Израиль Иосиф Сталин, – не могут бывшее сделать не бывшим”**.

Что было – то осталось в истории. Этого уже не стереть из памяти никакими политическими технологиями, никакими подтасовками демиургов нового мирового порядка, рухнувшего у нас на глазах. Ну отменили в 1991 году антиизраильскую резолюцию, и всё равно сегодняшнее разрушение Газы все честные мировые политики уже сравнивают с штурмом нацистами Варшавского гетто, где израильские командос выступают в роли фашистских карателей, а палестинцы с их партизанским упорством в роли героически погибающих в центре Варшавы евреев.

XIV. Борис Ельцин с маленькой буквы

Им нужно, чтобы мы сдохли, исчезли с этой земли.

Слова безымянного палестинца

А теперь несколько слов о книге “Отрицание отрицания, или Битва при Аушвице” и о её создателях.

В пресс-релизе, вручённом участникам пресс-конференции, созванной в честь выхода книги, перечислены все их научные заслуги. Альфред Кох – “писатель”, “математик”, “экономист”, “бизнесмен”, бывший “глава Госкомимущества РФ”, “в администрации бориса ельцина занимал пост вице-премьера”.

Павел Полян – “социальный географ и историк”, “окончил в 1969 г. с серебряной медалью московскую школу”, “высшее образование, МГУ”, “окончил аспирантуру”, “защитил докторскую диссертацию”, “ведущий научный сотрудник”, “координатор кабинета мандельштамоведения в научной библиотеке РГГУ”, “член библиотечного совета РГГУ”, “является председателем Мандельштамовского общества”...

Исторические познания этих обременённых дипломами, степенями, званиями и должностями соавторов действительно впечатляют. Но вот что они пишут и под чем подписываются в этой удивительной книге:

“Израиль после войны не настаивал на том, чтобы Германия выделяла ему какие-либо финансовые средства. На этом настаивала сама ФРГ. Как только у неё появилась такая возможность, то ещё с начала 50-х годов, Аденауэр упорно говорил о том, что Германия должна оказывать такую помощь. И только в 1952 году Израиль дал согласие принять эту помощь, причём при голосовании по этому вопросу разгорелась жаркая дискуссия, и решение прошло с мизерным перевесом всего лишь в несколько голосов. Так что инициатива относительно такой помощи исходила отнюдь не от Израиля” (стр. 326).

Какая идиллия! Благородные немцы, обуреваемые чувством неизбывной вины перед евреями, хотят искупить свой грех бескорыстной помощью – хотят облегчить свою совесть, а благородные евреи – отказываются: “нет!, не надо! Вы и так сами разорены, едва сводите концы с концами. Спасибо, до-

рогие друзья арийцы! Давайте жить безо всяких компенсаций и контрибуций! Мы же два избранных народа, товарищи по общему несчастью!" Если бы всё было так, я бы поверил, что Полян и Кох настоящие, честные историки. Но на самом деле история с германскими деньгами выглядела иначе. Цитирую отрывок из книги "Автобиография", написанной президентом Еврейского палестинского агентства Наумом Гольдманом, который был в 1951 году представителем государства Израиль по вопросу о репарациях:

"В начале 1951 года Израиль впервые выступил на мировой арене, направив четырём союзным державам две ноты, в которых указывалось, что еврейские требования, касающиеся возмещения ущерба новой Германией, определены суммой полтора миллиарда долларов, из которых половину должна выплатить Западная Германия и половину – Восточная. Эта сумма основывалась на следующих расчётах: Израиль принял около 500 000 евреев, и экономическая реинтеграция одного беженца стоила примерно 3 000 долларов. Спасая эти жертвы нацизма и приняв на себя огромные финансовые расходы, Израиль считает себя вправе предъявить эти требования от имени еврейского народа, хотя и без законной основы, так как еврейское государство не существовало во времена нацистского режима" (с. 262).

"В этих обстоятельствах израильский министр иностранных дел летом 1951 года обратился ко мне как к президенту Еврейского Палестинского агентства и попросил меня созвать конференцию крупных еврейских организаций США, стран Британского содружества и Франции для оказания поддержки израильским требованиям и изыскания средств, способных заставить их выполнить" (с. 263).

"Переговоры, которые мы намеревались провести, были весьма щекотливыми. Они не имели никакой юридической основы" (с. 268).

"С большой смелостью и великодушием федеральный канцлер принял за основу для дискуссии сумму миллиард долларов, но я знал, что партия, враждебная столь гигантским уступкам, уже сформировалась внутри правительства, среди вождей политических партий, среди банкиров и промышленников. Мне повторяли с самых разных сторон, что бесполезно рассчитывать даже на приблизительную сумму".

"На первом этапе переговоров между немцами и делегацией Конференции по притязаниям было достигнуто общее соглашение о возмещении ущерба и о его законодательной регламентации. На следующем этапе встал вопрос об общей сумме притязаний, достигавшей 500 миллионов..."

"Мне пришлось снова поехать в Бонн 3 июля, и я сделал следующую уступку: 10% от 500 миллионов будут предназначаться нееврейским жертвам нацизма и распределяться самим германским правительством" (с. 282).

"Соглашения были подписаны 10 сентября 1952 года в Люксембурге. Германию представлял канцлер, Израиль – министр иностранных дел Моше Шаррет, а я – Конференции по притязаниям" (с. 283).

"Германские поставки были решающим фактором экономического подъёма Израйля на протяжении последних лет. Я не знаю, какова была бы судьба Израйля в некоторые критические для его экономики моменты, если бы Германия не сдержала своих обязательств. Железные дороги, телефонные линии, портовые сооружения, системы орошения; целые отрасли промышленности и сельского хозяйства не были бы в их нынешнем состоянии без немецких репараций. Наконец, сотни тысяч еврейских жертв нацизма получили за последние годы значительные суммы по закону о возмещении ущерба" (с. 286).

"Когда утром в день моего пребывания я нанёс визит премьер-министру Израйля Давиду Бен-Гуриону, он подошёл ко мне с торжественным видом: "Мы с тобой имели счастье увидеть два чуда: создание государства Израиль и подписание соглашения с Германией. Первое сотворил я, второе ты" (с. 284).

В другой своей книге "Еврейский парадокс" Н. Гольдман рассказывает не только о своих переговорах с Германией, но и способе, каким он выбивал репарации из Австрии. Он сказал канцлеру Раабу: "Вы должны платить репарации евреям".

– Но мы сами были жертвами Германии, – возразил Рааб.

Гольдман заявил: "В таком случае я сниму самый большой кинотеатр в Вене и каждый день буду показывать фильм о вступлении немецких войск и приезде Гитлера в Вену в марте 1938 года". (Хорошо бы поставить фильм о нашем вступлении в Ригу в 1940 г. – Ст. К.)

Тогда Рааб сказал: “Хорошо, вы получите ваши деньги”. Речь шла о сумме порядка 30 миллионов долларов. Через некоторое время Гольдман пришёл снова: нужно ещё 30 миллионов.

— Но, — сказал Рааб, — мы дали согласие только на 30 миллионов.

— Теперь вы должны дать больше! — сказал Гольдман и получил что требовал. Он пришёл и в третий раз и получил такую же сумму.

Итак, переговоры шли очень тяжело, почти два года. Но в конце концов евреи принудили немцев заплатить всё, что положено. Это к тому, как совершились “два чуда”: построилось государство на чужой земле и на чужие деньги. А третье чудо заключается в том, что у нас выросла новая школа историков в лице Альфреда Коха и Павла Поляна. На фоне этого исторического конфуза комплимент Поляна в адрес своего соавтора: “Альфред Кох интересуется цифрами, особенно точными”, звучит по меньшей мере издевательски.

Как же так, опытный жрец Холокоста Полян недосмотрел за своим соавтором-арийцем и позволил ему так подставить своё имя, подорвать авторитет профессионалов по Холокосту, скомпрометировать столь ценное издание? Приходится после этого думать, что Полян не знает скрижалей, которые пишут верховные жрецы и основатели государства Израиль. Но если бы только одна такая позорная ошибка! В предисловии к книге, написанном Кохом, есть главная мысль о том, что владеть Палестиной должны евреи, не только потому, что они “народ Библии”, но главным образом потому, что они умеют хозяйствовать на этой земле, обустраивать и облагораживать её, в отличие от диких, нецивилизованных, не умеющих создать ничего путного арабов.

“Когда сегодня едешь по Израилю, то не устаёшь удивляться, сколько человеческой энергии потрачено на обустройство этой страны. Склоны всех гор по пути от Тель-Авива до Иерусалима засажены вручную кедрами и кипарисами. Апельсиновые и мандариновые сады по пути от Иерусалима на юг. Вся Гимлея — сплошь оливы и пшеничные поля <...> этого ничего не было. <...> Сейчас, когда вновь обострилась дискуссия о праве евреев на землю Израиля, слышатся разные аргументы со всех сторон. <...> Но самого главного аргумента никто не приводит. А аргумент этот прост и ясен. Разве не принадлежит земля тому, кто сделал её лучше, чище, кто вернул ей былую красоту, кто заменил топор дровосека лейкой садовода? Кто в безжизненную пустыню провёл воду, кто оросил поля, не знавшие плуга сотни лет, кто построил прекрасные белые города на месте жалких глинобитных лачуг, кто проложил дороги вместо верблюжьих троп, возвёл больницы, уничтожил эпидемии, ликвидировал голод?”

Какая вдохновенная тирада не просто колонизатора, но идеолога колонизации, её красноречивого апостола, её самозабвенного философа и поэта!

Точно так же рассуждали конкистадоры-испанцы в XVI веке, дав себе безграничное право от имени европейской христианской инквизиторской цивилизации разрушать жизнь Центральной Америки и сводить с лица планеты языческие народы майя и ацтеков. Точно так же обращались с племенами “дикого Запада” англо-саксонские протестанты... Точно так же огнём и мечом англичане навязывали свою хищную волю Индии, Китаю, Африканскому континенту. Французы не отставали от них, протянув длани от Алжира до Индокитая. Да и немцы, с вожделием глядя на восток, пытались навязать “Russischen Schweinen” свою европейско-арийскую цивилизацию... Я уж не говорю о голландцах, португальцах, итальянцах, бельгийцах и “разных прочих шведах”, у которых тоже крыша поехала от алчности и которые тоже успели схарчить всё, что падало со стола более крупных хищников.

Казалось бы, что после Второй мировой войны, когда обрушилась, словно во время землетрясения, вся колониальная архитектура, создать ещё раз нечто подобное уже невозможно. Но не тут-то было. Жрецы Холокоста нашли слабое место на карте человечества и сумели обратить вспять ход мировой истории...

Но до сих пор тревога не покидает их: а вдруг их детище — государство, возведенное при помощи великих мифов, великого террора, великих денег и великой пропаганды, рухнет, что случится тогда? Альфред Кох пугает человечество:

“А случится вот что: через какое-то время засохнут сады Израиля и на месте цветущих рощ опять появятся пыльные пустыни. Грязные лохматые собаки вместе с чумазыми арапчатами будут побираться вдоль грязных обочин, выпрашивая кто кость, а кто денег у проезжающего туриста.

Нищие бедуины, как и тысячу лет назад, будут варить кофе в своих шатрах. Часть евреев убьют, а часть уедет в Европу и Америку. И опять на многие сотни лет заглохнет Палестина. И только крик муэдзина над Иерусалимом будет будить правоверных мусульман на утреннюю молитву. Палестина превратится в плохое издание Египта, Сирии и Иордании. С их грязью, мелочной торговлей и полным отсутствием прогресса”.

Я не буду объяснять Коху, что полное “присутствие прогресса” за последние 80 лет дважды сокрушает и уничтожает образ жизни, столь милый его сердцу – имею в виду Великую депрессию 30-х годов и нынешнюю, более страшную и более Великую.

Общество потребления, картины которого наш “экономист” рисует с такой любовью, с таким вдохновением, обнажило свою генетическую обречённость. Если даже и согласиться со взглядами Коха на развитие Палестины, то надо его спросить, а куда он денет “нищих бедуинов” и “чумазных арапчат”, чтобы они не портили картины процветания израильского рая? А что он будет делать с окружающим миром “грязи”, “мелочной торговли”, “пыльных пустырей”, “грязных лохматых собак”, который, как громадный океан, плещется у бортов комфортабельной белоснежной яхты с именем “Израиль”? Что он предлагает сделать с Египтом, Сирией, Иорданией? Но и не в этом дело, а в том, что Альфред Кох или не знает доизраильской истории Палестины, или сознательно наводит тень на плетень, повторяя миф о том, что Палестина была землёй без народа, а евреи – народом без земли...

Эта точка зрения, к сожалению, сейчас вбивается в головы всех обывателей, которые как туристы приезжают в Израиль. Недавно там побывала группа хорошо знакомых мне женщин, православных христианок, мечтавших всю жизнь повидать Святую землю. Вернувшись, они с восторгом рассказывали о цветущем Израиле, о пшеничных полях, об апельсиновых садах, образцовых израильских кибуцах, белоснежных посёлках, о вежливых и радушных еврейских экскурсоводах и с неприязнью вспоминали о рваных и грязных палестинских шатрах на обочинах идеальных шоссеиных дорог, о беспризорной оборванной палестинской ребятне, о палестинских экскурсоводах, угрюмых, неуслужливых, неделекатных... А я от них только и слышал:

“Арабы? – Это же средневековая жизнь, они никогда ничего не строили и ничего не выращивали, они некультурные, они невежливые, они – кочевники, они нищие, потому что не хотят ничего делать. Почему они обстреливают Израиль своими ракетами-касымами?”

Впечатление было такое, как будто эти женщины прослушали курс лекций у Альфреда Коха. Зря совершили паломничество на Святую землю. Если бы они, эти наши добрые русские христианки, знали, что пережили два поколения палестинцев и что их сделало такими замкнутыми и нерадушными!

Вот несколько отрывков из книги Исраэля Шамира, который, в отличие от Коха, и пешком, и путешествуя на ослице Линде, исходил всю арабскую Палестину.

“Окрестности Иерусалима – одно из самых красивых мест во всём Нагорье, и вади, в котором мы оказались, подтверждает это мнение. Слева от спуска – просторная пещера, где добывали камень, у входа в неё растёт тенистое дерево. Сядем под деревом и глянем вниз. Мы увидим очаровательную деревушку Лифта. Её дома гнездятся на крутом склоне вади. В складке горы бьёт полноводный источник, называющийся в библейские времена Мей Нефтоах; вода его, выходя из красивого сабила, падает в просторный водоём. Внизу за водоёмом начинаются поля и сады Лифты. Здесь растут огромные смоковницы, оливы, яблони. Узкие тропинки ведут от дома к дому. Дома Лифты – не роскошные, но просторные, вместительные, сложенные из крепкого иерусалимского камня, некоторые – с балконами, с которых открывается прекрасный вид на долину, где меж кустарников бьют родники и растут гранаты.

Теперь подойдём поближе и увидим, что деревня пуста. Крыши домов проломлены, двери заколочены и схвачены пудовыми замками. Бассейн у источника разрушен и захламлён, и чистой живой воды гор исчезает в земле. Смоковницы не обобраны, оливы не обиты и не окопаны.

Перед нами – одна из деревень, обезлюдивших в 1948 году.

На полях Лифты мелькают белые платы палестинцев, убирающих помидоры, но они убирают не свои помидоры. Это наёмные рабочие. Земли Лифты были переданы еврейским посёлкам Кесалан, Гиват, Яарим, те наняли беззе-

мельных палестинцев работать на земле, которая ещё недавно кормила их”.

“В апреле 1948 года еврейские армии прорубили в Западном Нагорье ши-рокий Иерусалимский коридор. В нём были ликвидированы все арабские сё-ла, кроме чудом сохранившегося Абу Гоша. Евреи боролись за контроль над Иерусалимом, но для жителей Западного Нагорья речь шла о своих домах и полях – и их они потеряли.

У начала тропинки стоят железные щиты с пояснительными надписями: “Здесь наши доблестные силы сражались с арабскими бандами и выкурили их из ихнего бандитского гнезда”. Здесь они жили, арабские бандиты, и жёны их бандитки, и дети бандитята, и бандитские ослы, и бандитские овцы в бандит-ских хлевах, и бандитские оливы, и бандитские кактусы, и всё это существова-ло тысячи лет, чтобы только мешать движению еврейских конвоев на шоссе”.

“На краю Вифлеема, вдоль Хевронской дороги, к югу от города, высится красивый холм, на вершине – роща. Это Эр-Рас, место малой святыни. На вершине дует ветер, стоят остатки водосборника. Сюда приходят играть дети из лагеря беженцев Дахейше, который находится к югу от холма, на рав-нине. Я спросил их, откуда они родом. Они назвали деревни, руины которых я посещал: Лифта, Дир эш-Шейх, Бет Итаб. Они помнят, они иногда ездят ту-да с родителями, посмотреть на разваливающиеся дома и на неокопанные оливковые деревья”.

* * *

“Представьте себе, что это в а с вышвырнули из дома у источника Лифты и Сатафа, что в а м пришлось жить в мазанке, делить одну комнату с десятью братьями, что вы можете увидеть в бинокль проломленные крыши своего до-ма – и вы поймёте, откуда взялось палестинское сопротивление, палестинский терроризм”.

* * *

“Жители села Эн Ход бежали в поля. Они по сей день живут в лачугах на краю своих полей. Их земли были конфискованы и переданы Нир Эциону, а их дома стали “живописным посёлком художников” Эн Ход, где живут, несо-мненно, либеральные израильтяне, социалисты и борцы за права человека”.

* * *

“Дома Сатафа полуразрушены, только несколько из них остались в отно-сительной целости. Дома были разрушены в ходе военных учений – здесь в начале пятидесятых годов тренировались в своей смертоносной науке солда-ты “отряда 101”, спецотряда коммандосов, занимавшихся карательными ак-циями в тылу врага, налётами и убийствами на тогда не оккупированном За-падном берегу”.

* * *

“Сладчайший источник Эн Таннур растекается ручьём по неширокой до-лине, мимо руин села Алар. Вот здесь, у этого ручейка, где растёт огромная смоковница, роняющая зрелые смоквы в его воду, я хотел бы родиться – но тогда я оказался бы в лагере беженцев Дахейше и смог бы только поглядыв-ать на руины родного дома, так плавно переходящие в византийские руины. Земли этой маленькой долины, где жило и кормилось несколько сот фелла-хов, получил соседний мошав, где живёт шестьдесят марокканских семей. Они даже не обрабатывают их – только маленькая часть занята посадками фруктовых деревьев. Плоды убирают беженцы из Дахейше. Пастухи Хеврон-ских гор пасут стада поселенцев”.

* * *

“Другой центр беженцев – Газа, куда были согнаны, как в резервацию, сотни тысяч крестьян из сотен деревень, ставших потом стройплощадками для кибуцов и мошавов с их самодовольными сторонниками мира за чужой

счѐт. Проезжая мимо пустоши с колючками кактуса “сабра”, путник иногда задумывается – как много свободного, пустого места в Святой земле. Газа – это обратная сторона медали. Там находятся бывшие обитатели пустошей с колючками. Газа – израильский Гулаг”.

* * *

“Даже самые произраильские наблюдатели ООН после короткого пребывания в Святой земле становятся сторонниками палестинцев. Дело в том, что израильский миф – миф “Экзодуса”, жестоких и ленивых арабов, трудолюбивых израильтян, превращающих пустыню в сад, – не выдерживает рассмотрения с близкого расстояния. На него нужно смотреть издалека, из Нью-Йорка, из Милуоки, на худой конец – из бастионов еврейских поселений. С человеком, выбирающимся из кольца осады и идущим по земле, происходит то, что произошло с графом Бернадоттом – он начинает видеть реальность¹. Всего с 1947 года по наши дни процент земель, принадлежавших палестинцам, упал с 90% до 15%”.

* * *

А вот выдержки из книги “Момент молчания” другого еврейского автора, Симона Ловиша, который вместе с родителями-сионистами приехал в 1972 году из Франции в Израиль, где был призван в армию и не раз по службе бывал в лагерях палестинских беженцев.

“– Нами всегда управляли иноземцы, – сказал мне один из феллахов. – Но всё, что было раньше, и сравнить нельзя с тем, что происходит сейчас. Тогда было угнетение, империализм... Сейчас – оккупация. Тогда мы не были нищими. Нас всё же кормила наша земля. А теперь нам не на что жить. Я нищий, все мы нищие. Там, где мы сейчас ютимся, нет деревьев, нет воды. Земля здесь суха, как кость. И животные наши не находят еды и гибнут...”

Феллах докурил сигарету, помолчал, потом продолжил:

– Вместе с землёй оккупанты отняли у нас и право на жизнь. Здесь, где нам позволили поселиться временно, без всяких прав, мы ковыряем клочки твёрдой, как камень, земли. Сажаем хлеб, кукурузу, кое-какие овощи. Но, когда урожай созревает, оккупанты приходят и сжигают его. Как же, спрашивается, нам кормить детей? Оккупантам плевать на это. Им нужно, чтобы мы сдохли, исчезли с этой земли. Мы жили под турками, под британским мандатом... трудно жили, но жили. Но оккупанты нам не дают жить...”

* * *

“С годами, по мере старения первопоселенцев, отнявших у арабов их землю, “еврейский труд” на ней постепенно перестал применяться. На востоке и западе, на севере и на юге, на полях и в огородах сажали, пололи, собирали и молотили арабы. Целые семьи – мужчины, женщины, молодёжь, малые дети. Они работали на тех, кто ехал сюда с сионистскими песнями, в которых были такие слова: “Мы пришли на эту землю, чтобы переделать её и чтобы она переделала нас”; или: “Труд – наша жизнь, наше спасение от всех болезней”.

* * *

“Я проехался по этим местам с кинокамерой, снимал на плѐнку поля евреев-землевладельцев, где за кусок хлеба гнут спину арабы, в том числе малые дети. Снимал и добротные дома еврейских колонистов, их сытые, довольные лица. Все они твердили в один голос: их право на эти земли никто не смеет оспаривать.

– Они выгнали нас силой, – сказал этот феллах. – Мы потеряли своих верблюдов, наши сады проутюжены бульдозерами, а бахчи и посевы конфискованы. Нас лишили человеческой жизни. Нам выдают только 8 килограммов хлеба в месяц. У нас просто нет сил сопротивляться, мы погибаем”.

¹ А когда граф Бернадотт прозрел и всё понял, его убили люди Менахема Бегина.

* * *

“Начали операцию танки, окружившие холм, на котором лежала деревня. За танками двигалась бригада парашютистов. Десантники блокировали дома. Несколько человек с автоматами наизготовку оставались у дверей и окон, а один врвался внутрь и выгонял обитателей. Потом под дом подкладывали взрывчатку и взрывали его. Так уничтожили сорок домов”.

* * *

“Однажды мы ехали на патрульном джипе пограничной охраны. Начальником патруля был спесивый капитан с короткими жёсткими усами. Кое-где дорога, петляющая среди холмов и высот Хеброна, была заминирована. За день до этого здесь подорвался израильский бронетранспортёр. Мы часто останавливались и допрашивали встречавшихся феллахов и пастухов (разумеется, никто из них ничего не видел!). Вдруг капитан приказал остановиться: на камне у обочины сидел мальчик лет двенадцати. Его лицо было настолько изуродовано шрамами и рубцами, что он не мог даже как следует раскрыть рот, чтобы назвать своё имя.

– Сейчас мы проверим, есть ли здесь мины, – сказал мне капитан на иврите.

А потом, уже по-арабски, приказал мальчику идти к вершине холма. Мы оцепенели. Мальчик прошёл около 15 метров, и тут капитан позвал его назад:

– Всё ясно. Йалла, имши мин хун*, – и отпустил мальчика”.

Гитлеровцы во время войны с нами тоже проверяли подобным образом наличие мин на полях и дорогах, по которым они собирались двигаться.

“Ненависть к израильским оккупантам была особенно горяча в секторе Газа, население которой в основном состояло из беженцев. Они видели через границу, как израильские тракторы перепахивают их бывшие поля и сады. <...> Мы ездили по дорогам Газы с задранными люками, несмотря на удушающую жару. Даже десятилетний ребёнок мог швырнуть гранату в проходящую израильскую машину”.

Ну как, мои дорогие православные христианки, теперь вы понимаете, почему палестинцы из сектора Газа обстреливают свои бывшие земли?

* * *

У еврейского государства в нашей стране было много апологетов и защитников. Одним из самых авторитетных и знаменитых был, конечно, академик Сахаров. Видя, как евреи изгоняют палестинских арабов с родных земель, он тем не менее так же, как колонизатор Кох, считал, что при помощи денег и политических махинаций можно лишит целый народ родины, что всё можно уладить за чужой счёт ради благополучия и процветания Израиля.

“Давно можно было бы расселить беженцев по богатейшим арабским странам, – самонадеянно и цинично размышлял академик, – дать им в руки технику и землю, деньги и образование...” (“Форум”, 14.12.2007 г.)

Русский вроде бы человек (а может, это мысли Елены Боннер, вмонтированные в гениальную голову академика?), а с какой бездушной самонадеянностью рассуждает о судьбах народов! “Переселить”, “дать денег”... Поневоле вспоминается, как Гитлер награждал чужими землями своих союзников по рейху: подарил фашистской Болгарии Македонию и часть Греции, а фашистской Венгрии отдал то ли Трансильванию, то ли кусок Словакии...

Но в таком случае куда как естественнее и разумнее и евреям можно было бы выделить за счёт государств, принимавших участие в Холокосте, пространство в центре Европы и назвать его “государство Израиль”. А может быть, сейчас, пока не поздно, “переселить” куда-нибудь евреев-израильтян и “дать им денег”?

* Убирайся отсюда (араб.).

Разглагольствовать о том, что арабы не обрабатывают землю, не выращивают апельсиновые рощи, живут в грязных палатках, может только человек, лишённый совести, в упор не желающий видеть, что они изгнанники, что их деревни обезлюжены, взорваны, земли конфискованы. Как гласит пословица – в доме повешенного не говорят о верёвке, но Альфред Кох делает это с вдохновением.

Вот объективные свидетельства того, что арабская Палестина до образования государства Израиль была не бедуинской пустыней, а процветающей землёй. Все факты взяты из книги Роже Гароди “Основополагающие мифы израильской политики”.

Знаменитый сионист конца XIX века Ахад Гаам, побывавший в Палестине в 1891 году, писал в своих очерках:

“Находясь вдалеке, мы привыкли верить, что Эрец – Израиль сегодня полупустыня, необрабатываемая страна и каждый, кто захочет приобрести землю, может приехать сюда и взять сколько душе угодно. В действительности ничего подобного. На всём протяжении страны трудно найти необрабатываемые участки, за исключением покрытых песком и горных, где могут расти только фруктовые деревья, да и то в результате тяжёлого труда и рекультивации местности”. И это были времена, когда в Палестине жило 600 тысяч арабов и всего лишь 30 тысяч евреев.

“Профессор Израиль Шахак дал в 1975 году список по округам 385 арабских деревень, стёртых с лица земли бульдозерами, из 475 существовавших в 1948 году. <...> Чтобы создать вид, будто в Палестине до Израиля была “пустыня”, сотни деревень были стёрты с лица земли бульдозерами вместе с домами, заборами и кладбищами” (И. Шахак. “Расизм государства Израиль”, стр. 152). “С 11 июня 1967 г. по 15 ноября 1969 г. в Израиле и Цизиордании было взорвано более 20 тысяч арабских домов”.

“Так называемая “пустыня” была экспортёром зерна и цитрусовых <...> до прихода сионистов. “Бедуины” (на самом деле землевладельцы) экспортировали 30 000 тонн зерна в год. <...> Производство цитрусовых с 1922 по 1938 г. увеличилось в 10 раз”, а английский статс-секретарь по делам колоний Пил в июле 1937 года докладывал парламенту, что в ближайшие годы Палестина будет производить 50% всех апельсинов зимних сортов, потребляемых в мире.

Так что палестинцы до своего Холокоста были трудолюбивыми и успешными хозяевами своей земли, чего не хотел знать Андрей Сахаров и не хочет знать Альфред Кох.

* * *

Оба соавтора и составителя книги “Отрицание отрицания” историю Холокоста, надо отдать им должное, знают основательно. Работы европейских и американских авторов, как апологетов Холокоста, так и “антихолокостников”, изучены ими, особенно П. Поляном, добросовестно и подробно. С арифметикой у них тоже всё в порядке. Согласившись с тем, что в Освенциме было уничтожено не 4 млн евреев, а около полутора, и с тем, что восточноевропейские жертвы Холокоста были посчитаны дважды, они тем не менее, опубликовав массу таблиц еврейских потерь по отдельным странам и лагерям, заново более тщательно исследовав демографические графики и эмигрантские потоки 30-х годов, вполне обоснованно (особенно П. Полян) приходят к выводу, что всё равно евреев в Катастрофе погибло или 6 млн, или около того. Так что на этом поле с ними спорить и воевать бесполезно. Да я и не собираюсь. Другое дело идеология истории и конкретные оценки тех или иных исторических событий. Но и тут авторы выказывают незаурядную ловкость. Вот, к примеру, пишет Полян, что ревизионист Рудольф Гермар “не брезгает даже штампами российских антисемитов о доле евреев в НКВД и об их роли в советских репрессиях”, но не говорит прямо – правда или неправда в этих штампах. Если это правда, что ГУЛАГом в 30-е годы руководил квартет в составе Бермана (начальника управления) и трёх его заместителей – Раппопорта, Плиннера и Кацнельсона, если это правда, что из сорока комиссаров госбезопасности I, II и III степени, награждённых в 1935 г. орденами, более половины было евреев – то почему историку не воспользоваться этими “штампами”, отражающими реальность? Таблица умножения – это тоже

“штампы”. Зачем же “брезговать” убедительными и объективными фактами, подтверждёнными документально? Это – не штампы. Это – статистика...

“Сталин провёл большое количество этнических чисток. От эстонцев до корейцев”. Какое невежество для историка! Этнические чистки – это уничтожение людей одной национальности для того, чтобы люди другой национальности получили всяческие преимущества для жизни и развития. Сталин высылал перед войной корейцев подальше от дальневосточной государственной границы, поскольку в опасной близости от неё были сосредоточены японские войска, и война с Японией была вполне возможна. Прочитайте об этом популярную в 30-е годы повесть Рувима Фраермана “Дикая собака Динго, или Повесть о первой любви”.

А эстонцы ссылались после войны в Сибирь не потому, что они эстонцы, а потому что сотрудничали с немецкими оккупантами как коллаборационисты. Их было сослано 28 тысяч из полутора миллионов. А то ведь, читая Коха, можно подумать, что все эстонцы высылались из Эстонии, которая освободилась от коренного населения для русских. Причём, конечно, многих эстонцев ссылали за участие в Холокосте, за убийства евреев в концлагерях и на оккупированных территориях России и Белоруссии, и эти антифашистские “чистки” Коху и особенно Поляну надо бы одобрять и приветствовать.

В общем, такого рода “блех”, недопустимых для уважающих себя историков, в книге уйма. Полян, иронизируя над ревизионистами, пишет: “из антисемитизма выплывает, клубясь, и все остальное, включая низкий исторический профессионализм или склонность к патетической графомании”. Может, он в чём-то и прав, но я не откажу себе в удовольствии возвратить ему этот упрёк. Их общая книга с Кохом того достойна.

* * *

И последнее. Кроме того, что сочинения Коха и Поляна отмечены историческим невежеством, у них и с грамотностью плохо. Может быть, кто-то из читателей уже обратил внимание, что, перечисляя должности, занимаемые в недавнем прошлом Альфредом Кохом, я написал: “в администрации бориса ельцина занимал пост вице-преьера”. Имя и фамилия первого президента РФ у меня написаны со “строчной”, то есть с маленькой буквы. Но это не моя ошибка и не моя прихоть, вся эта фраза, взятая в кавычки, является абсолютно точной до буквы цитатой из пресс-релиза, приложенного к книге.

Между тем в том же пресс-релизе имя и фамилия А. Коха начинаются с прописных, то есть заглавных букв, той же чести удостоены имя и фамилия его соавтора, и даже его псевдоним “Нерлер” тоже демонстративно и грамотно выписан с большой буквы. Думаю, что оба грамотея-историка придают этим вроде бы пустякам особое значение. Они в состоянии отличить маленькую строчную букву от большой заглавной, потому что, осуждая автора работы о Холокосте Юргена Графа, Полян с раздражением пишет: “Автор сознательно употребляет слово “Холокост” с маленькой буквы” (стр. 96). Хорошо, что хоть за это ещё не штрафуют и не судят, что ООН не приняла ещё резолюцию о том, что слово “Холокост” в обязательном порядке и в мировом масштабе изображалось Только с Большой Буквы. Если же оно пишется с маленькой, такая вольность, видимо, для обоих историков является оскорблением священной сути события или “умалением” его. Но почему же тогда они позволили себе написать “борис ельцин”? Ведь всё-таки это недавний шеф и покровитель Коха! Да, видимо, потому, чтобы шабесгои знали: сколько бы они ни прислуживали евреям, как бы ни возносили их к подножию своего трона, всё равно те своих бывших хозяев после их смерти полноценными людьми считать не будут. Ведь имя и фамилия каждого человека, как образа Божьего, носит священный характер... Но ты – не принадлежишь к “избранному народу”, ты всего лишь шабесгой и потому недостойн заглавной буквы.

Конечно, соавторы будут оправдываться, что, мол, корректоры недоглядели, я же склоняюсь к версии об их “нарочитой безграмотности”.

Но возникает вопрос: если в этой “грамматической интриге” участвовал Альфред Кох, зная её суть, тогда, если он полукровка, то какие же у него половинки?

Холокост становится явлением мирового порядка. Это – трагедия, это – фарс, это – бизнес, это – политика, это – гламур, это – перформанс, это – “наше всё”.

Думаю, что скоро и глянцевого журналы, если они выживут в эпоху нашего финансового апокалипсиса, будут для развлечения публики издаваться с сюжетами из этой страшной Мистерии.

Возможно, что возникнет на нашем ТВ какая-нибудь постоянная программа, посвящённая неувядающему Холокосту, или целый канал с логотипом “Холокост”, тем более что “Еврорьюс” подсело на эту иглу и жить без неё уже не может. Можно создать и политическую партию под тем же названием.

А как стремительно входит понятие Холокоста в самые, казалось бы, далёкие от этого явления сферы жизни! Играла недавно наша российская футбольная сборная с командой Израиля. Так что, вы думаете, приволокли наши изобретательные болельщики на стадион в Лужники? Растянули через всю трибуну полотнище со словами: “Счастливого Холокоста!” Впрочем, футбольные фанаты – народ отвязанный. Когда московское “Динамо” приехало в Питер на игру с “Зенитом”, то зенитовские ребята выставили на стадионе портреты Лаврентия Павловича Берии со словами, обращёнными к своим московским коллегам: “Вы от него не отмоетесь”. Ну, наши в долгу не остались, и на московском матче питерские болельщики узрели громадный портрет Ксюши Собчак с ответом: “А вы не отмоетесь от неё”.

Но вернусь к Холокосту. Тема благодатная. Почему бы не выпустить водку под таким же названием? Ведь есть в Польше водка с этикеткой “Жидовская”. Давно пора и Большому театру после “Детей Розенталя” поставить нечто “холокостное”. Жаль, что помер Шнитке. Он бы точно написал музыку на либретто Марка Розовского.

А сколько в нашу безрадостную жизнь внёс Холокост новых ежегодных праздников мирового масштаба! День освобождения Освенцима 27 января, День узников фашистских лагерей 11 апреля, юбилей Нюрнбергских законов, юбилей Ванзейской конференции, посвящённой “окончательному решению вопроса”, апрельское празднование Пурима, юбилей Хрустальной ночи, ежегодное торжество в честь создания государства Израиль, не менее важный праздник – приём Израиля в ООН, красный день календаря – отмена резолюции ООН о сионизме как о форме расизма, ежегодные сентябрьские дни имени Бабьего Яра, также ежегодное торжество в честь восстания в Варшавском гетто, а тут ещё дни Анны Франк, столетие со дня рождения охотника за нацистами Визенталя, на носу юбилей Януша Корчака... А как всенародно отметила Россия и Европа 70-летие незабвенной Хрустальной ночи!

Умные люди понимают, что всё это крайне необходимо для жизни и существования всяческих фондов. Недаром в День освобождения Освенцима президент Европейского и Российского еврейских конгрессов Вячеслав Кантор говорил о сохранении памяти, о том, что череда трагических юбилеев – Бабий Яр, Освенцим, Хрустальная ночь – прежде всего повод для создания толерантного общества, для серьёзного разговора о будущем. Его мысль продолжил в конце вечера Алла Гербер (Бюллетень “Холокост”, № 2, 2008 г.).

Одним словом, Холокост, если вспомнить хемингуэевскую формулу, это праздник, который всегда с тобой.

Вода камень точит, и Холокост всё глубже входит в быт, в подкорку, в массовое сознание нашего российского простонародья. Я сужу об этом уверенно, поскольку был свидетелем одного знакового события. Пришёл однажды в редакцию журнала священник средних лет, постоянный читатель “Нашего современника”. Был какой-то праздник, и наш гость, хотя и в подряснике, но явился в гости к Александру Сегеню не с пустыми руками. Когда собравшиеся наполнили рюмки и вопросительно поглядели на батюшку, он всё понял, поднял стопку и со скорбной торжественностью произнёс: “Первый тост – за Холокост!”

(Продолжение следует)